

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

*Библиотека
фантастики и приключений*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Станислав ЛЕЙКИН

БЕРКУТ

(сборник повестей и рассказов)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

ББК 84(2)6
Л42

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *А. Федотов*

Лейкин Станислав — ученик шаолиньского наставника Ши Дэцзяня, зам. начальника Молодёжной военной академии г. Дэнэфна при Шаолиньском монастыре, автор книг «Основы боевой подготовки боев мирового спецназа» и коллективной монографии «Китайская цивилизация, как она есть», ветеран спецподразделений воздушно-десантных войск ВС СССР, ученик знаменитого востоковеда-китаиста профессора Е. А. ТОРЧИНОВА, лауреат XX юбилейной художественной премии «Петрополь» за книгу «На крышах Шаолиня».

В новой книге автор собрал рассказы разных лет на различные темы.

Л42

Станислав ЛЕЙКИН

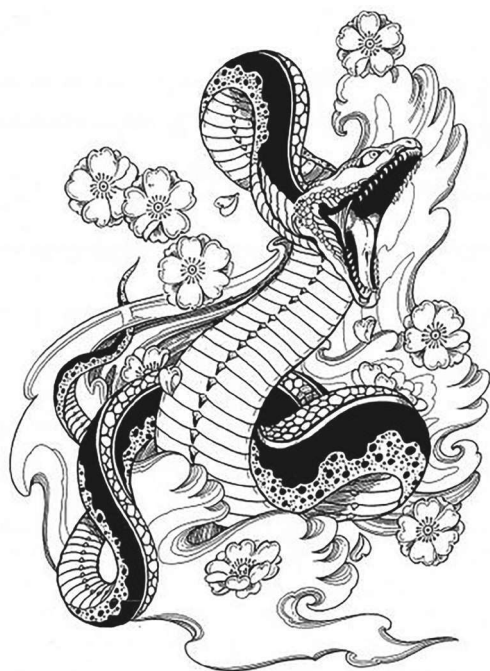
Беркут: сборник повестей и рассказов
/ Станислав Лейкин — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2020 — 320 с. — Библиотека приключений и фантастики

ISBN 978-5-93835-812-6

ISBN 978-5-93835-812-6

© Станислав Лейкин, 2020

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2020

ВАРНАК И ХРЕН МОРЖОВЫЙ

ПЁС ВАРНАК НИКОГДА не видел земли, потому что родился на льдине посреди Северного Ледовитого океана. Льдина, конечно, не была необитаемой: на ней жили люди — полярники, работавшие на научно-исследовательской станции «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС». Было их человек двадцать косматых бородачей, прилетавших в эти суровые края с Большой земли.

Жили они в папанинских палатках с утеплёнными двойными стенками, сбитым деревянным полом и рядами армейских двухъярусных коек. Быт у них был под стать климатическим условиям — весьма скупой, неприязательный и минималистический. Обслуживали

полярники себя сами: готовили, сушили по хозяйству, ухаживали за собаками.

Хотя за хвостатыми-то и ухаживать особо было нечего: в любой самый студёный мороз жили они на улице, зарываясь всей стаей в снег и согревая друг друга...

Корм пёсье племя получало от людей: два раза в день бородачи давали им сушёную рыбу, которую они с аппетитом схрумкивали. Когда собакам хотелось пить, они просто лизали снег.

Снежные псы служили полярникам верой и правдой: они исправно таскали экспедиционные нарты и, самое важное, охраняли лагерь научно-исследовательской станции от белых медведей.

Медведи были главными возмутителями спокойствия в этих суровых местах. Обладая выдающимся нюхом, мишки шли на запах кухни в надежде поживиться отходами, а может быть, и съесть незадачливого полярника или какого-нибудь отбившегося от стаи четвероногого охранника. Впрочем, случаи нападения белых медведей на человека были исключительно редки!

Большую часть времени занимали научные исследования: гляциологи изучали лёд, гидроакустики что-то мудрили с гидроакустической аппаратурой, а связисты проводили эксперименты с приборами связи...

Имелся в составе экспедиции и собственный врач — многостаночник, который был в состоянии не только вырвать больному шатающийся зуб, но и вырезать аппендицит, хоть самому себе и без наркоза. Полярники, слава КПСС, были людьми здоровыми и преимущественно молодыми, прошедшими соответствующий отбор и специальную медкомиссию, так что лечить их особо было не от чего. Правда, это касалось только их

мускулистых тел, ибо головой они часто начинали повреждаться уже в первые недели зимовки.

Ещё бы, представьте себе: ежедневный дрейф на чёртовой льдине посреди Северного Ледовитого океана среди нагромождения торосов и разгуливающих по соседству белых медведей!

Но сильнее всего действовали на нервы даже не холод и не ледяное безмолвие, а люди — те самые бородастые рожи, которые приходилось терпеть рядом с собой круглые сутки все долгие месяцы экспедиции.

И это хорошо ещё, если коллектив подбирался дружный, что называется, спетый! Если же вдруг намечались какие-нибудь контры между полярниками, то всё — туши свет: ни к чему хорошему такое не могло привести. Это уж точно!

Как уже говорилось, бытом членам полярной экспедиции приходилось заниматься исключительно самостоятельно, ведь никакой специальной obsługi в штатном расписании не предусматривалось. Не было у них и кока, так что готовили полярники по очереди, заступая в наряд по кухне, по-морскому именуемой камбузом. В связи с этим регулярно случались перебои с питанием: ведь качество еды зависело от того, насколько опытным был заступивший на вахту по столовой человек.

Запасов продовольствия на льдине было с избытком — их должно было хватить на несколько месяцев нахождения в Арктике. Главной задачей было — сохранить этот провиант в целости и сохранности, что означало — не дать медведям его таки сожрать. При этом провиант и другие жизненно важные объекты, например газовые баллоны, хранились не в одном месте, а были равномерно распределены на равноудалённых участках огромной льдины. Это на тот случай, если

льдина начнёт раскалываться — такое легко могло произойти, особенно по весне...

Когда дежурным по камбузу заступал старший радист Акопян, у экспедиции был настоящий праздник. Весёлый чернобородый армянин был знатным кулинаром — от Бога и, видно, от своих родителей. Как Аршак умудрялся сделать из банальных консервированных продуктов такие изысканные блюда, для всех оставалось загадкой! Фирменными были не только блюда Акопяна, но и их подача, которую Аршак превращал в настоящий спектакль, распевая при этом колоритные народные песни и пританцовывая. Жаль только, что эти представления, как и вкуснейшие обеды, случались не ежедневно.

Когда же очередь на дежурство доходила до впервые попавшего на Северный полюс Филимона, экспедиция «вешалась»! Молодой выпускник Горного института в Ленинграде был прирождённым гидроакустиком и отлично разбирался в своей профессии, но что касается бытовых вопросов — тут дело было, что называется, полный швах. Особенно это касалось наряда по камбузу — к этому занятию Филимон был категорически не приспособлен: он путался в рецептурах, постоянно то пересаливал, то недосаливал супы, всё у него выкипало, переваривалось, и в результате есть это варево было совершенно невозможно.

Однажды начальник экспедиции Арсений Павлович Обоюдков вообще распорядился вылить к чёртовой матери Филимонову стряпню. И как ни протестовал местный Айболит, оба котла с несъедобными харчами были вылиты прямо на льдину возле одного из локальных складов. Мороз быстро этот хавчик превратил в ледяной торосик. Но белые медведи, похоже, успели унюхать наличие провианта в нештатном месте.

Ночью Варнак заливался раскатистым лаем, разбудившим не только хвостатую стаю, начавшую подтягивать ему громогласно, но и людей: Обоюдков с винтовкой наперевес вышел из тёплой палатки, через пару минут наружу вылезли заспанные Акопян и Филимон.

Собаки продолжали надрывно лаять.

— Арсений Палыч, — обратился к начальнику экспедиции молодой гидроакустик, — давайте прожектором ослепим медведей!

— Филимон, мы так посадим аккумуляторы мгновенно, — отвечал ему начальник.

— А давайте стрэльнём! — предложил Акопян.

— Это можно, — согласился Арсений Павлович и пальнул два раза в воздух, разворачивая ствол винтореза в разные стороны — так, на всякий случай.

Попугав из винтовки воздушное пространство и возможных пушистых нарушителей спокойствия, все трое вернулись в тёплую палатку.

Между тем, собаки не прекращали лаять. Вернее, теперь они не тывкали, а выли, причём хором.

— Да что ты будешь делать! — возмутился начальник экспедиции. — Не дадут поспать, черти!

— Разрешите мне поговорить с Варнаком! — вдруг обратился к нему Филимон.

— Поговорить? — удивлённо спросил Арсений Павлович. — Он что тебе — родственник или приятель? — недоумённо продолжал он.

— В смысле — успокоить собачек! — поправил сам себя гидроакустик.

— Ну ладно, попробуй, Филя! — согласился нехотя Обоюдков. — Только ружье захвати на всякий случай, лады? Да, Аршак, ты с ним тоже пройдишь-ка по льдине.

— Не надо, Арсений Павлович! — мгновенно отреагировал Филимон, отлично знавший, что Варнак на дух не переносит весёлого армянина.

Он и сам недолюбливал Аршака, хотя и обожал его стряпню. Однако специфический кавказский юмор Акопяна, помноженный на белое безмолвие Северного полюса, вызвал у Филимона настоящее отторжение. Чего стоила одна его недавняя шуточка, когда уснувшего мертвецким сном после суточного дежурства Филимона тихонько прямо в спальнике вынули из койки и... переложили в надувную лодку, которую не спеша стравили на фале на несколько десятков метров прямо в Северный Ледовитый океан. Когда же Филя проснулся и обнаружил свое спелёнутое спальником тело в одинокой резиновой лодке посреди ледяной воды, ему было совсем не смешно! Полярники же во главе с надрывавшимся от смеха Акопяном буквально покатывались от хохота.

Ситуацию переломил Варнак, которого вся эта история привела в настоящее бешенство: он метался по краю льдины и гневно лаял. Через несколько минут всеобщей покатухи пёс нашёл неожиданное решение: он схватил конец фала, притороченный к экспедиционным нартам, разорвал клыками узел и отчаянно принялся тянуть за него. Надувная лодка легко поддалась этому усилию, а Варнак, почувствовав это движение, что есть силы потащил лодку дальше, так что через пару минут Филимон достиг льдины. Отчаянно чертыхаясь, он выбрался из спального мешка и из лодки и, схватив валявшуюся под ногами ледяную глыбу, погнался за Аршаком. Полярники со смехом расступились, а Акопян принялся улепётывать. В результате Филимон споткнулся, упал и растянулся на льдине, вызвав ещё один приступ хохота членов экспедиции.